

Таким образом, когда исследовательница вводит в качестве базового для своей работы, по сути дела, именно понятие *личной* легитимации власти царя, она, применительно к рассматриваемому ею периоду, говорит не просто об универсалии древнеегипетского мировоззрения, но и о концепции, имеющей в данный период вполне внятную альтернативу, но, безусловно, преобладающую в анализируемом материале официальных текстов благодаря вполне осознанному и целенаправленному предпочтению их «заказчиков» и составителей. Именно в этой установке египетской царской идеологии, общей для времени от XXV династии и до Аргеадов, нам и видится то, что мы назвали концептуальной целостностью данного периода и что, собственно, и выразилось в принципиальном единстве на его протяжении топонимов и терминов официальных текстов, приведенных к последовательной и непротиворечивой классификации А.-И. Блэбаум. При этом исследователь египетского эллинизма обратит особое внимание на то, что органической частью данного этапа идеологического развития Египта предстает время Аргеадов: тем самым выявляется чрезвычайно важный аспект континуитета между эпохами до македонского завоевания Египта и после него в религиозно-идеологической сфере, который может и должен быть принят во внимание и при изучении источников более позднего – уже птолемеевского – времени.

И.А. Ладынин

© 2010 г.

E.E. KUZMINA. The Origin of the Indo-Iranians. Ed. by J.P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Al. Lubotsky. Vol. 3. Leiden–Boston: Brill, 2007. XVIII + 762 p.

Е.Е. Кузьмина, известный российский археолог, поставила перед собой цель проанализировать археологический материал как источник для реконструкции культуры и путей расселения индоиранцев и их потомков. Проблема прародины индоариев и иранцев и путей их миграций неоднократно исследовалась специалистами разного профиля, но прежде всего лингвистами и историками. Привлечение археологических источников оставалось спорным в силу их языковой немоты. Автор, однако, подошел к их оценке с единственно возможных позиций, сравнив характер различных археологических культур с теми сведениями об иранских и индоарийских народах, которые можно почерпнуть из письменных текстов и анализа лексики: тип хозяйства, особенности жизнеобеспечения, обусловленные характером окружающей среды, животный и растительный мир и т.п. Необходимость именно такого подхода была обоснована еще Э.А. Грантовским¹, но столь полный анализ памятников андроновской культурной общности во всем ее ареале под определенным углом зрения и на чрезвычайно широком фоне осуществлен Е.Е. Кузьминой впервые, и в этом огромное значение ее труда. Западные специалисты (да и русскоязычные читатели, поскольку английское издание содержит ряд изменений и дополнений по сравнению с российскими публикациями Е.Е. Кузьминой) должны быть благодарны А.М. Лубоцкому, взявшему на себя ответственность за публикацию в редактируемой им серии «Индоевропейские этимологические словари» монографии, строго говоря, не имеющей отношения к словарям, но оттого не менее ценной для индоевропеистики.

В работе изучены коллекции, хранящиеся в разных музеях, архивные документы, в том числе материалы обширных полевых исследований самой Е.Е. Кузьминой. Все археологические источники тщательно систематизированы по единой схеме, что позволило создать полную и непротиворечивую картину андроновской общности на всем ее протяжении, выделить основные проблемы ее рассмотрения и проследить особенности ее развития, хронологию и периодизацию, культурные связи. В основу вычленения отдельных вариантов и хронологических периодов положена форма сосудов и принцип построения декора. По результатам корреляции признаков погребального обряда и керамики памятники с устойчивым их сочетанием объединены в типы, каждый тип картографирован, установлены их основные ареалы и территории со смешанным составом памятников, определена относительная, а там, где это возможно, и абсолютная хронология, отмечены связи с соседними регионами. Одним из важных выводов стало заключение, что алакульский и федоровский типы представляют

¹ Грантовский 1981.

не хронологические этапы, а две независимые линии развития внутри более широкой культурной традиции. Е.Е. Кузьмина исследует взаимоотношения этих двух родственных групп, их миграции внутри андроновского ареала и на основании этого сравнения делает вывод о существовании не единой археологической культуры, а андроновской культурной общности позднебронзового века (XVII–XII вв. до н.э.), локализуемой в степях от Каспийского моря до Тянь-Шаня, характеризующейся общей культурной и, предположительно, языковой традицией, которую автор книги считает наиболее соответствующей особенностям культуры индоиранцев и их ближайших потомков. Рассмотрены все ее основные характеристики – хозяйство, поселения и жилища, костюм, транспорт. Так, своеобразие андроновской лепной керамики по сравнению с кружалной керамической традицией соседних регионов весьма наглядно показано в таблице на с. 165. Это тем более важно, что даже в книгах, специально посвященных андроновской керамике, далеко не всегда можно найти упоминания о том, что она была лепной, а ведь лепная керамика – важнейший культурный маркер индоиранцев. Как явствует из собранных В. Рау данных индийских текстов², которые приводит автор книги, даже хорошо знакомые с кружалной керамикой индийцы не применяли ее в ритуалах, где использовалась только лепная посуда. Именно это обстоятельство заставило Э.А. Грантовского отвергнуть широко распространенные гипотезы об индоиранцах, индоариях и иранцах как о носителях тех или иных культур кружалной керамики³.

Тип жилища степняков (деревянные каркасно-столбовые однокамерные конструкции, иногда с обмазанными глиной стенами, со скатной крышей и открытым очагом) резко отличался от ближневосточных и южноазиатских жилых построек (глинобитные или кирпичные многокомнатные дома с плоской крышей и печью) (с. 49). Как отмечает Е.Е. Кузьмина, различия эти определялись как экологическими, так и социально-экономическими причинами. В Центральной Евразии обильные осадки и наличие лесов обусловили строительство деревянных домов со скатной крышей; на Ближнем Востоке и в Южной Азии малое количество осадков и лесов привело к строительству глинобитных домов с плоской крышей. В степях большая патриархальная семья вела общее хозяйство, требовавшее большого однокомнатного дома, а на Ближнем Востоке малые семьи жили в небольших комнатах (с. 29–50).

Так, собрав и проработав обширный и разнообразный материал, Е.Е. Кузьмина убедительно продемонстрировала не только то, какой хозяйственно-культурный тип мог быть свойствен индоиранцам, но и – что не менее, если не более важно – какие культуры ни в коем случае не могли им принадлежать.

Нельзя не согласиться с автором в том, что у носителей земледельческих культур юга Средней Азии и Ирана не было причин осваивать степи, мало пригодные для их традиционного ирригационного земледелия. Соответственно отсутствуют и археологические следы подобных миграций в III–II тыс. до н.э. (с. 156). О том же писал Э.А. Грантовский⁴. Заметим, что Вяч.Вс. Иванов, отстаивавший идею о приходе иранцев⁵ в Южное Зауралье через Среднюю Азию, ныне пересмотрел свою точку зрения, в том числе, надо полагать, и под влиянием выдвинутых этими учеными контраргументов⁶.

В книге убедительно доказывается, что в ареале андроновской культурной общности в середине II тыс. до н.э. сложились предпосылки перехода к подвижному скотоводческо-земледельческому хозяйству, в том числе отсутствие в составе стада свиней и большой процент овец и лошадей, способных добывать корм из-под снега. Андроновцы научились сооружать глубокие колодцы для добычи воды в пустыне, у них появились разборные жилища, совершенствовался колесный транспорт и т.п. Е.Е. Кузьмина считает, что из трех крупных археологических общностей, сложившихся в степях к середине II тыс. до н.э., – срубной культуры, распространенной от Украины до Урала, алакульского (на Южном Урале и в Северном, Западном и Центральном Казахстане) и федоровского (чья памятники обнаруживаются от Южного Урала и Центрального Казахстана до Енисея) вариантов андроновской культуры – первая принадлежала иранцам (в чем сходится большинство специали-

² Rau 1972.

³ Грантовский 1981.

⁴ Грантовский 1998, 60–122.

⁵ По его мнению, предки прочих арийских народов (индоариев, дардов, нуристанцев) в миграции на север не участвовали, а непосредственно с ближневосточной прародины двинулись через Иранское плоскогорье к местам своего нынешнего обитания. Подробно разобрать здесь эту гипотезу не представляется возможным из-за недостатка места. Ее критику см. Грантовский 1998, 69–91. В рецензируемой книге также прослеживается движение всех арийских народов Южной Азии с севера.

⁶ «Второй вариант (миграция иранцев в Зауралье через Среднюю Азию. – С.К.) по отношению к Синташте был предложен нами... но он не кажется теперь самым вероятным в свете других приводимых данных» (Иванов 2004, 59, прим. 43).

стов), а последний – предкам индоариев. В поддержку этой этнической атрибуции приводятся черты федоровской культуры, сближающие ее, по мнению автора книги, с культурой ведийских ариев, а именно существование трупоположения наряду с преобладающим трупосожжением, обычай захоронения жены вместе с мужем, особые типы прямоугольных ритуальных сосудов (с. 83, 631, рис. 21; 451–452).

Автор уделяет большое внимание хронологии, всякий раз тщательно аргументируя предлагаемые даты. Используется широкий круг аналогий, как из соседних регионов, так и из более дальних – от Балканского полуострова и Западной Европы до Китая, учитываются совместные находки андроновских и инокультурных вещей в единых комплексах, генетические связи с артефактами из более поздних культур, что дает возможность взаимопроверки независимо полученных хронологических систем (с. 459–466). Приводятся и все известные радиоуглеродные даты, хотя в случае их несовпадения с «археологическими» предпочтение – как представляется, совершенно справедливо – отдается последним. При подсчете «удельного веса» тех или иных артефактов, костей определенных животных и т.п. на различных памятниках автор учитывает особенности этих памятников, которые могли повлиять на соотношение подсчитываемых предметов, что уменьшает возможность ошибки.

Е.Е. Кузьмина привлекает новые данные в поддержку того, что стержневидные трехдырчатые костяные псалии (класс III, тип II по приводимой в книге классификации), появившиеся в степях в XII в. до н.э., использовались при взнуздывании верховых лошадей (с. 131, 138, 317–318, 358), о чем писал еще К.Ф. Смирнов⁷. Аргументом служит то обстоятельство, что к указанному типу непосредственно восходят ранние скифские псалии, в назначении которых сомневаться не приходится. Эта гипотеза, сформулированная на археологическом материале, согласуется с лингвистическими данными, по которым всадничество широко распространилось уже в общеиранскую эпоху: в отличие от индоиранского для праиранского реконструируется общий глагол «ездить верхом» (*bāg-)⁸. Распад же праиранского, согласно глоттохронологическим подсчетам по усовершенствованной методике С.А. Старостина, который учел недостатки, присущие традиционной методике основателя глоттохронологии М. Сводеша, и сумел их преодолеть⁹, произошел во второй половине XI в. до н.э.

На основании представляющего самостоятельную ценность археологического исследования автор обращается к реконструкции этнокультурной принадлежности рассмотренной общности. Особое внимание уделено методике подобных реконструкций, подчеркивается необходимость поиска этнодифференцирующих признаков. Конечно, этот вопрос не имеет однозначного решения, и этнические маркеры в каждой культуре могут быть разными в зависимости от конкретных условий. Для целей автора основное значение имеет сравнение с культурой, которую можно воссоздать на основании древнеиндийских и древнеиранских текстов (ср. выше).

Е.Е. Кузьмина подробно аргументирует вывод о том, что в процессе миграций материальная культура ариев существенно менялась, вбирая в себя множество элементов культуры аборигенов заселяемых областей, но сохранялся язык, мифологические представления и обряды, по которым и можно проследить расселение арийских народов. Так, она приводит сообщение древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхайны, что из различных частей скелета умершего на чужбине дваждырожденного брались 33 кости и отправлялись на его родину для кремации, и высказывает остроумную гипотезу, что распространенные в Семиречье и особенно в Северной Бактрии погребения отдельных костей суть следы миграций ариев (с. 340–341).

В книге излагаются и данные о физической антропологии носителей археологических культур бронзового века, индоиранской мифологической традиции о прародине, контактах индоиранцев с носителями иных языков, прежде всего финно-угорских. Сведение воедино всех имеющихся на сей счет наблюдений существенно подкрепляет аргументацию автора. К сожалению, при обращении к лингвистическим и историческим сюжетам Е.Е. Кузьмина в ряде случаев ошибочно приписывает заслугу обнаружения тех или иных явлений специалистам, несколько не претендующим в данных конкретных случаях на роль первооткрывателей, ставя их тем самым в неловкое положение. Так, по ее утверждению, В.А. Лившиц заметил, что в персидском языке овца обозначается словом *gospand*, происходящим от иранского «святой» + «корова» (с. 164); О. Шервэ и Ж. Фюссман пришли к выводу, что индоиранская языковая общность распалась между 1700 и 1500 гг. до н.э. (с. 451); С.В. Кулланда продемонстрировал, что скифский язык был ближе к бактрийскому, чем к аланскому (с. 381). На самом деле и об этимологии персидского слова, и о времени распада индоиранской общности, и о

⁷ Смирнов 1961.

⁸ Грантовский 1998, 80–81.

⁹ О современной глоттохронологии см. Старостин 1989; Starostin 2000; Embleton 2000.

принадлежности скифского языка к юговостоиранским¹⁰ писали и до упомянутых авторов, чего те и не думали скрывать. Древнеперсидское *didā* «крепость» сопоставили с родственными словами, означающими «тесто» (нем. *Teig* и пр.), и возвели к корню «месить (глину)», а авестийское *tanuša* «печь для выпечки хлеба» определили как заимствование из семитского еще в позапрошлом веке, задолго до Герцфельда, на которого ссылается Е.Е. Кузьмина (с. 34, 84). Точно так же некорректно писать, что, «как показал М.А. Дандамаев», в ахеменидском Иране было много «иноземных мастеров, привезенных со всех концов империи, от Греции до Индии» (с. 457). Ведь о мастерах с разных концов империи прямо говорится, например, в надписи Дария I из Суз (Susa F).

В книге подробно рассмотрены вопросы расселения андроновцев и носителей родственных культур за пределы их прародин. Выявление на обширном, тщательно проработанном археологическом материале следов миграций, их типов и хронологии, взаимодействия с оседлыми земледельцами, адаптации к окружающей среде представляет безусловный интерес, а доводы автора не вызывают возражений. Обратившись к проникновению в ареал земледельческих памятников Средней Азии элементов северных степных культур, Е.Е. Кузьмина провела полное и всестороннее изучение всех известных к настоящему времени памятников, где такие элементы были обнаружены. Она аргументировала их трактовку как результата переселений, а не различного рода сношений между соседними культурами, тщательно обосновала хронологию, определила характер миграций и их отправные точки на срубно-андоновской территории. Прослеженный ею процесс постепенного вызревания в недрах степных культур кочевого образа жизни способствовал сравнительной легкости передвижений на большие расстояния, спровоцированных осложнившейся экологической ситуацией. В результате проделанной работы выделены типы миграций степного населения в различные районы Средней Азии, определившие характер взаимоотношений аборигенов и пришельцев, постулированы три хронологических этапа миграций, каждый из которых имел свою специфику. На территории Средней Азии Е.Е. Кузьминой удалось выявить как «чистые» памятники андроновской (в алакульском или федоровском вариантах) или срубной общности, так и смешанные – срубно-андоновские, федоровско-алакульские, что свидетельствует о сложных процессах укоренения степняков в новых природных условиях. Очень интересны отмеченные в книге случаи формирования совершенно новых археологических культур, как, например, вахшской в Таджикистане, возникших в результате синтеза культур пришельцев и аборигенов. Прослежено и проникновение степняков-андоновцев в горы Тянь-Шаня и Памира.

Заслуживает особого внимания выделение автором такого хронологического и этнического признака как налечный валик, украшавший лепные сосуды. Эта орнаментальная деталь отмечена для XIII–XI вв. до н.э. на чрезвычайно широкой территории – от Румынии до Монголии. Как показывает автор, такая орнаментация совпадает с рядом инноваций в культуре – переходом к яллагному скотоводству, освоением верховой езды, появлением железа. Именно в эту эпоху усиливается движение степняков на юг. Тогда же культура евразийской степи становится особенно однородной, и одним из важнейших показателей этой однородности оказывается валиковая керамика. Проникновение подобной керамики на юг автор связывает с хорошо известной в Средней Азии эпохой «варварской оккупации», когда валик может встречаться даже на кружальной посуде, что технологически не оправдано. Культуры с валиковой керамикой Е.Е. Кузьмина считает принадлежащими иранцам на основании прослеживаемой ею генетической преемственности между ними и культурами ираноязычных саков и скифов. Конечно, преемственность материальной культуры еще не является гарантией преемственности языка, но, понимая это, автор подчеркивает, что речь идет о передаче признаков, не обусловленных хозяйственно-культурным типом, как, например, орнаментации керамики, архитектурных традиций, сохранившихся в подкурганых сооружениях, деталей костюма, ориентировки погребенных и пр. Отдельные экземпляры валиковой керамики, выявленные автором в памятниках Афганистана и Ирана, также интерпретированы как археологический след миграции в эти районы ираноязычных племен. Сами по себе эти материалы слишком скудны для сколько-нибудь определенных заключений, но на фоне общей картины распространения валиковой орнаментации представляют безусловный интерес. Автор предполагает, что иранцы проникли на территорию Ирана как западным, кавказским, так и восточным, среднеазиатским путем. В этом случае надо признать, что археологические следы такого проникновения оказываются разными, что, возможно, объясняется различным характером движения.

Чрезвычайно сложен вопрос о языковой принадлежности создателей бесписьменных культур. Е.Е. Кузьмина, выявляя на археологическом материале сосуществование на одной территории различных по происхождению памятников, именует соответствующие периоды (Синташта-Архаим,

¹⁰ Кстати, если уж автор согласен с тем, что скифский язык был юговостоиранским, то нельзя писать, будто осетины – потомки скифов (с. 190). Скифы в таком случае были предками пуштунов.

начало проникновения степных культур в Среднюю Азию) временем билингвизма (см., например, с. 357). Тесное соприкосновение и взаимодействие культур, чьи корни обнаруживаются в разных географических областях, конечно, позволяют предполагать смешение разноязычных этносов, но все же вывод о билингвизме представляется недостаточно обоснованным и чересчур прямолинейным.

Уже из перечня затронутых проблем и предложенных путей их решения ясно, насколько серьезно автор подошел к анализу археологического материала. Нельзя, понятно, требовать от археолога столь же профессионального подхода к письменным источникам и неархеологической литературе, но и сведения, получаемые из вторых рук, должны восприниматься и передаваться адекватно, со всем возможным тщанием и скрупулезностью. К сожалению, издание явно готовилось в спешке, что привело к множеству ошибок, смазывающих общее положительное впечатление.

Прежде всего удручает перевод с русского на английский (переводчики – С. Питина и П. Прудовский). Русское словосочетание «обряды посвящения» бездумно переведено как «dedication rite» (с. 105) вместо правильного «initiation rite», хотя из текста ясно, что речь идет не о посвящении боже-ству, а о посвящении дваждырожденных в соответствующую варну. «Одноконная высокопроходимая колесница»¹¹ названа в английском тексте «a chariot one horse high», «колесница высотой в одного коня» (?), вместо «one-horse cross-country chariot» или чего-нибудь в этом роде (с. 113; о правомерности понятия «одноконная колесница» применительно к ведийскому периоду см. ниже). На той же странице «кожаный панцирь»¹² именуется «кожаной кольчугой», a leather coat of mail (?). Понятно, насколько неадекватен такой перевод и как он компрометирует автора в глазах англоязычного читателя. Как, не имея под рукой русского текста, понять, что «убиение козла» (the slaying of a goat) (с. 54) – это козлодрание¹³, популярная в Средней Азии конная игра, в которой всадники отнимают друг у друга тушу козла? Понятие «распад (праязыка)» передано словом collapse «обвал, падение, крах и т.п.» (с. 200) вместо правильного split. Вряд ли англоязычные читатели поймут выражение bogar farming, передающее русское «богарное земледелие» (русское прилагательное, кстати, является производным не от «богар», как, видимо, считают переводчики, а от «богара»). Следовало бы

пояснить, что имеется в виду русская адаптация персидского بهار (bahāre, старое произношение bahāra «весенний», «произведенный весной», поскольку, как справедливо отмечается в книге, богарным земледелием занимаются исключительно весной (с. 212). Не удосужившись поиском английских эквивалентов для слов «пахса» и «пандус», переводчики ограничились их латинской транскрипцией (pakhsa, pandus¹⁴) (с. 58, 50) вместо pisé и ramp. На с. 462 говорится, что, коль скоро степные псалии – самые древние и послужили прототипом микенских, датировка шахтовых гробниц (где обнаружены микенские псалии) может считаться terminus post quem степных псалий. Из приведенного контекста ясно, что terminus post quem перепутан с terminus ante quem. Можно было бы привести еще много примеров неудачных переводов с русского и орфографических ошибок в английских словах (вроде написания слова glyptic через i, *gliptic – с. 105), но вряд ли в этом есть необходимость.

Странно, что в книге, изданной в Европе, используется американская орфография (color вместо colour и т.п.). При передаче иранских, греческих и т.п. имен собственных и нарицательных встречаются такие перлы как Dionisius вместо Dionysius, Giges вместо Gyges (с. 380), Ktesios вместо Ctesias, Tomiris вместо Tomyris (с. 381), Hircanians вместо Hyrcanians (с. 190), Ortokoribantioi вместо Orthokorybantioi (с. 376), Borisphen (!!!) вместо Borysthenes (с. 175), Gāthas вместо Gāthās (с. 161), Donbatyr вместо Donbetryr/Donbettær (с. 175), sag'ynz вместо cæg'ynz, Dzherassy (с. 203) или Dzerassa (с. 175) вместо Žerassæ, hona вместо xona, humb вместо xumb (с. 52), khum вместо xum (с. 415) и т.д. и т.п. В ведийских словах ударение сварита, которое принято обозначать значком грависа, всюду ошибочно заменено на удатту (обозначаемую значком акута). Выраженная на с. XVIII благодарность Т.Я. Елизаренковой и В.А. Лившицу, якобы проверившим написание индоиранских (?) слов, в таком контексте вызывает недоумение. Еще бы: фраза эта перекочевала в иностранное издание 2007 года прямоком из русской книги 1994 года, где относилась к кириллической передаче индийских и иранских слов¹⁵, так что за их обратное «перепириание с языка родных осин» на латинскую транскрипцию ни покойная Т.Я. Елизаренкова, ни В.А. Лившиц ответственности не несут. Только вот как это

¹¹ Кузьмина 1994, 169.

¹² Там же, 170.

¹³ Там же, 92.

¹⁴ Англоязычному читателю равно непонятны обе транскрипции, но последняя и вовсе недопустима: в крайнем случае можно было бы привести французский оригинал русского слова – pente douce.

¹⁵ «Все принятые нами чтения были любезно проверены Т.Я. Елизаренковой и В.А. Лившицем» – Кузьмина 1994, 11.

объяснить англоязычному читателю? Курьезной выглядит попытка передать средствами латинского алфавита русское произношение иностранных топонимов: Guilyan (с. 54) или Gilyan (с. 373) вместо Gilan/Gīlān (گیلان), Tillya-tepe вместо Tilla/Tillā (تیلا)-tepe (с. 428). Справедливости ради надо сказать, что ту же ошибку допускали и зарубежные археологи и историки, узнававшие названия афганских памятников из русскоязычных публикаций: так, Р. Гиришман, ссылаясь на В.И. Сариниди, писал Tillia-tépe¹⁶, а В. Фогелсанг – Tillya Tepe¹⁷.

В полном противоречии с остальным текстом книги находится утверждение, будто «в Иране движение населения с востока на запад, из Гиссара III в Хасанлу, связанное с появлением серой керамики, антропологически прослеживается в Раннем железном веке I, что подкрепляет гипотезу Э.А. Грантовского об иранской миграции» (?!) (с. 171). Всякий мало-мальски знакомый с трудами Э.А. Грантовского знает, что он аргументированно утверждал прямо противоположное, а именно: «Серая керамика использовалась в Иране неиндоевропейским населением и до и после прихода иранцев, перенявших ее у автохтонов вместе со многими другими особенностями материальной культуры. При этом присоединение иранцев к “серокерамической культуре” произошло на поздних этапах ее существования... Таким образом, даже при сугубо “археологическом” подходе, из приведенных фактов явствует, что появление серой керамики не было следствием этнических процессов. Мало того, привлечение иных категорий источников позволяет установить, что арии не могли принести с собой “сделанной на круге” посуды, так как не изготавливали ее и много позже; можно ставить вопрос о том, когда профессиональные гончары появились у ариев Индии и у тех иранцев, которые оказались в южных странах, но эти традиции, безусловно, не были ни индоиранскими, ни общеиранскими. Да и прочие характеристики культуры “серой керамики” несовместимы с ее индоиранской (или иранской) атрибуцией»¹⁸. Собственно, и сама Е.Е. Кузьмина несколько ниже (с. 370) пишет, что «главным противником гипотезы о распространении серой керамики в результате появления иранского этноса стал Э.А. Грантовский...», так что наряд ли сакраментальная фраза принадлежит ее перу. Откуда она взялась – загадка, разрешить которую могут только автор и редактор¹⁹ книги, читателю же становится ясно одно: окончательный текст за переводчиками никто не проверял.

Есть в книге, прежде всего в лингвистических и исторических экскурсах, и недочеты, которые не спишешь на переводчиков и редактора. Так, на с. 186 упоминается «позднеавестийский Бундахишн» (the late Avestan Bundahišn). Но Бундахишн, хотя и является, видимо, пересказом не дошедшего до нас Авесты²⁰ – текст все-таки среднеперсидский. На с. 372 говорится, что «процесс консолидации разноэтничного населения в один этнос отражен в составных именах богов: Bag-Maštu, Bagbartu, Bag Teshub». На самом деле Багмашту/Багбарту – одно и то же имя, третий клинописный знак которого (№ 74 по изданию Боргера²¹) может читаться по-разному, поэтому записывать два варианта через запятую некорректно. Кроме того, при первом чтении обе части имени объясняются из иранского: либо как *Bagamasti- «Having Baga's knowledge» (Р. Цадок), либо как *Bagavasta- «He who is welcome to God» (В.А. Лившиц)²², так что в этом случае его нельзя считать свидетельством смешения этносов. Что же касается имени Баг-Тешуб, оно принадлежало не божеству, а «ассирийскому агенту или зависимому владельцу из пограничной с Урарту полосы»²³. Вопреки мнению автора книги, «одно из сакских племен» в I тыс. до н.э. не могло именоваться этнонимом Dāsa, восходящим к индоиранскому *Dāsa- и родственным ведийскому Dāsá- (с. 304), поскольку в иранском (а саки бесспорно были иранцами) *-s- закономерно перешел в -h- (ср. авест. dāhīnaṃ, форма генитива множественного числа, Yt. 13, 144, Dahae и Δάαι классических авторов).

Е.Е. Кузьмина целиком полагается на мнение Г. Бейли²⁴, что санскритское kūrṇāsa, «панцирь», иранское kurtak «вид одежды» и русское «куртка» восходят к иранскому *kur- «шея» (с. 104). Между тем следовало бы отметить, что, согласно альтернативной гипотезе, санскритское kūrṇāsa, хотя и является иранским заимствованием, восходит к югозападноиранской форме (*kṛp-rāṣa-) общеиранско-

¹⁶ Ghirshman 1977, 65, 68.

¹⁷ Vogelsang 1992, 274 f.

¹⁸ Грантовский 1998, 59–60.

¹⁹ По утверждению автора, проделавший с «титаническими усилиями» (titanic efforts, с. 458) «огромную работу» (huge task, с. XXVIII).

²⁰ См., например: Зороастрийские тексты 1997, 148.

²¹ Borger 1978.

²² Dandamayev 1995, 55; Грантовский 1998, 30–35, с литературой.

²³ Грантовский 1998, 31.

²⁴ Bailey 1954.

го *kṛp-rāṭha- «защита (rāṭha-) тела (kṛp-)»²⁵. На с. 106 говорится, что элементы одежды населения северо-запада Индостана носят древние индоиранские названия. В качестве одного из таковых приводится наименование длинной прямой рубахи kamiz (с. 106). Но это персидское слово заимствовано из арабского قميص, в свою очередь, заимствованного из позднелатинского camisia.

Автор книги трактует древнеиндийское ūṣtra- исключительно как «верблюд» и на этом основании утверждает, что в Ригведе (VIII. 6. 48) упоминается запряжка из четырех верблюдов (с. 113). Между тем, как отмечает в комментарии к данному пассажи Т.Я. Елизаренкова, значение «верблюд» слово ūṣtra- приобрело позднее (а в ведийский период обозначало быка или буйвола)²⁶. К сожалению, это не единственный случай механического воспроизведения текста книги «Откуда пришли индоарии», изданной за 13 лет до рецензируемого труда, без учета более поздней литературы и критических замечаний. В свое время И.М. Дьяконов в рецензии на упомянутую книгу 1994 года указал, что Салманасар III там ошибочно назван Салманасаром II²⁷. Исправлений в текст, предназначенный для перевода, внесено, однако, не было – на с. 109 англоязычного издания вновь фигурирует Салманасар II.

Вряд ли стоит утверждать, что «изображения солнцеликого персонажа на петроглифах Саймалы-Таши и Тамгалы... возможно, являются изображениями древнейшего индоиранского Митры = бога Солнца» (с. 182). Как показал еще Антуан Мейе²⁸, индоиранский Митра был богом договора, а черты солнечного божества приобрел сравнительно поздно.

Странной кажется характеристика языка переднеазиатских ариев как «индоарийского с некоторыми иранскими чертами» (с. 451), тем более что автор не поясняет, какие черты имеются в виду. Язык мунда – австроазиатский (о чем справедливо говорится на с. 320), а не австронезийский, как сообщается в неуклюжей фразе «представители народа мунда... относятся к австронезийской языковой семье, отличной от юга Индостана» (The representatives of the Munda people... are assigned to the Austronesian language family, distinct from the south of Hindustan) (!) (с. 172). Иранский топонимический детерминатив dara- означает не «река» (с. 174), а «долина, ущелье» – значение «река» вторично и очень редко²⁹. В Ригведе и Авесте, вопреки утверждению автора (с. 370), нет данных относительно использования или неиспользования кружалной керамики – они имеются в поздневедийских текстах. При описании осетинского дома говорится, что в крыше имеется дымовое отверстие (erdo), дом с пирамидальным ступенчатым сводом называется erdojali saxli (причем не отмечено, что это не осетинское, а грузинское название, к тому же переданное неточно), а такой тип крыши был заимствован грузинами и армянами у осетин вместе с иранскими строительными терминами (с. 51–52). На самом деле слово erdo заимствовано грузинским из армянского ertək, а уже из грузинского перешло в осетинский³⁰. Из картвельского (точнее из занского) заимствовано и приведенное там же (с двумя ошибками, см. выше) осетинское слово sæg'unʒ «столб»³¹. Походный казачий лагерь назывался не «майданом» (с. 326), а «куреном».

В пересказе известной легенды о вражде сыновей Феридуна имена старших братьев приводятся в их авестийской форме (хотя сама легенда в Авесте не сохранилась): Sairīma и Tuṛa, а имя младшего – почему-то в современной персидской: Iraj (в авестийском ему соответствует Airiia или Airiia³²), тогда как следовало бы придерживаться какой-то одной традиции, будь то авестийской, средне- или новоперсидской.

Автор полагает, что «в иранском» (in Iranian) юрта называется alachik, а «в турецком» (in Turkish) oī, gara-oī (с. 65). На самом деле первое слово – не иранское, а тюркское заимствование в персидском

²⁵ Thieme 1938, 52, Anm. 1; Mayrhofer 1953–1980, s.v.; idem. 1992–2001, s.v. Впрочем, нельзя исключить и возможность заимствования и вторичной «народной» этимологизации иранским аккадского kurbisu /gurpīsu «вид доспеха» (из хурритского qurbīzi – Nikolayev, Starostin 1994, 886).

²⁶ Ригведа 1995, 674.

²⁷ Дьяконов 1995, 130.

²⁸ Meillet 1907.

²⁹ Расторгуева, Эдельман 2000, 344–345.

³⁰ Абаев 1958, 412–413.

³¹ Там же, 297–298.

³² Колебания относительно формы имени связаны с тем, что оно восстанавливается из патронима Airiiaua- (Manuš.cīθrahe Airiiauahe – «Манушчитры, потомка Арьи/Арю» – Yt. 13, 131). Правда, Бартоломе в своем словаре трактует Airiiaua- не как патроним, а как личное имя со значением «Helfer der Arier», от *arya+ava, от корня av- «помогать», но речь в тексте идет об одном персонаже, и упоминать его под двумя именами было бы странно (тогда как явные патронимы, например, Θraētaonahe Æθwīānōiṣ, «Трайтауны, потомка Атвыи», встречаются в том же пассаже), а из позднейшей традиции известно, что Минучехр был потомком Ираджа и мстителем за него.

(к тому же неточно транскрибированное: правильно *alači/eq*)³³, а последние – не турецкие, а туркменские (опять-таки неверно транскрибированные: правильно *ōj, Gara ōj*)³⁴.

Е.Е. Кузьмина пишет, что прародительницей скифов была «дочь Днепра (*Don Apris*), змееногая нимфа» (с. 203). У Геродота (IV. 5. 1) речь идет о дочери Борисфена (*Βορυσθένης... θυγατέρα*), что естественно, поскольку скифы называли Днепр Борисфеном, а *Δάναπρις* (а не мифический *Don Apris*!) – название сарматское (если не аланское), у ранних авторов не встречающееся³⁵ и демонстрирующее невозможное в скифском фонетическое развитие³⁶. Кроме того, следовало бы пояснить, что Геродотовы дочь Борисфена и змееногая дева (Herod. IV. 9–10) – разные персонажи, хотя большинство исследователей и склонно их отождествлять.

Вряд ли для ведийского периода можно говорить об «одноконной» колеснице (с. 113, ср. выше). Ведь для одноконной запряжки необходимы оглобли, а они появляются гораздо позже, в начале нашей эры (впервые, видимо, в Китае в эпоху Восточной/Поздней Хань и в Римской империи³⁷). Хотя ссылки ни в русском, ни в англоязычном издании нет, Е.Е. Кузьмина явно имеет в виду упоминаемые Спарребоомом³⁸ пассажи из Ригведы X. 101. 11, Атхарваведы II. 8. 4 и шраутасутры Апастамбы I. 17. 7, где о дышлах (*dhūr-, īshā-*) говорится в двойственном числе. Во всех этих случаях, однако, речь идет не о колеснице, а о хозяйственной повозке, запряженной волами³⁹, где дышло часто состояло из двух (или трех) продольных брусьев, соединившихся под ярмом⁴⁰. Для единственного места в Ригведе, где имеется в виду колесница (VIII. 5. 29), а дышло (*īshā-*) стоит во множественном числе⁴¹, падапатха⁴² (видимо, не случайно) дает единственное число. Е.Е. Кузьмина справедливо указывает, что упоминания одноконной колесницы неясны, но проблема слишком важна и сложна, чтобы отделиваться от нее мимолетней фразой.

В книге неоднократно повторяется утверждение, будто индоиранская языковая группа подразделяется на три подгруппы: индоарийскую, иранскую и объединяющую дардские и нуристанские языки (с. 318, 319, 321). Между тем есть основания полагать, что арийское языковое единство первоначально разошлось на нуристанскую и индоиранскую ветви, а уже затем последняя распалась на индоарийскую, иранскую и дардскую подгруппы, так что объединение дардских и нуристанских языков неправомерно⁴³. Собственно, Е.Е. Кузьмина со ссылкой на книгу А.И. Когана упоминает об этом на с. 451, что, однако, не мешает ей через три страницы вновь говорить о «дардско-нуристанских языках» (с. 454).

К сожалению, плодотворный подход автора предопределил и некоторые слабости книги. С одной стороны, Е.Е. Кузьмина сумела сопоставить реконструируемую археологически культуру с данными древней письменной традиции индийцев и иранцев, что сразу перевело ее труд из разряда сугубо археологических в категорию в полном смысле слова исторических исследований. С другой стороны, в то время как с археологическим материалом автор работал профессионально, письменными источниками он пользовался из вторых рук и, как и неархеологической литературой, весьма небрежно. Это тем более обидно, что большинство перечисленных неточностей никоим образом не дискредитирует выводы работы: так, то, что о ритуальной роли лепной керамики говорится в поздневедийских текстах, созданных в то время, когда индийцы уже давно пользовались в обиходе кружалой посудой, только подтверждает древность и живучесть соответствующих представлений.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что Е.Е. Кузьминой написана чрезвычайно интересная книга, в которой археологический материал стал полноценным источником, проливающим дополнительный свет на рассматриваемые проблемы. Археологической культуре задаются определенные вопросы, ответы на которые позволяют поместить ее в исторический контекст. Привлечение

³³ Общeturкское **alači* «шатер» (СИГТЯ, 458), откуда и русское «лачуга».

³⁴ В турецком рефлекс соответствующего этимона имеет форму *ev*. Там же, 463.

³⁵ Ср. в «Перипле Понта Евксинского» (84): *εἰς Βορυσθένην... τὸν τῶν Δάναπριν λεγόμενον* («до Борисфена... ныне называемого Данаприсом»).

³⁶ В скифском *d* в большинстве позиций, в том числе в начале слова, переходил в *l*. См. Витчак 1991, 52–53; Тохтасьев 2005, 68–69; Кулланда, Раевский 2004, 90–91 и прим. 54; Кулланда 2006, 196–197.

³⁷ Piggott 1992, 41, 67–68, 137 (с литературой).

³⁸ Sparreboom 1985, 122, 131–132.

³⁹ Ibid., 124.

⁴⁰ Deloche 1983, 38–40.

⁴¹ Точнее, поскольку в тексте образуется зияние (*īshā́ āksho*), вроде бы следует восстанавливать множественное число (*īshāḥ*).

⁴² Редакция текста, в которой сняты сандхи, т.е. фонетические изменения на стыках слов.

⁴³ Эдельман 1992; 1999; 2009, 88, схема 2; Коган 2005, 202.

широкого круга исторических, лингвистических, мифологических, этнографических материалов, несмотря на отмеченные недочеты, усилило аргументацию автора. Прделанная работа позволила проследить исторические процессы эпохи поздней бронзы не только в ареале той или иной археологической культуры, но и на всей территории евразийских степей. Это первое полное комплексное исследование древнейших культур арийских и индоиранских народов – важный шаг на пути изучения их истории.

Литература

- Абаев В.И.* 1958: Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.
- Витчак К.Т.* 1991: Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 5, 50–59.
- Грантовский Э.А.* 1981: «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Труды международного симпозиума. Душанбе, 17–22 октября 1977 г. / М.С. Асимов, Б.А. Литвинский, Л.И. Мирошников, Д.С. Раевский (ред.). М.
- Грантовский Э.А.* 1998: Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.
- Дьяконов И.М.* 1995: Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии». М., 1994) // ВДИ 1, 123–130.
- Зороастрийские тексты* 1997: Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд), Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. М.
- Иванов Вяч.Вс.* 2004: Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 41–67.
- Коган А.И.* 2005: Дардские языки. Генетическая характеристика. М.
- Кузьмина Е.Е.* 1994: Откуда пришли индоарии? М.
- Кулланда С.В.* 2006: *Lingua Scythica ad usum historici* // Древности скифской эпохи. Сборник статей (Материалы и исследования по археологии России 7) / В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский (ред.). М., 194–209.
- Кулланда С.В., Раевский Д.С.* 2004: Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 1, 79–95.
- Рассторгуева В.С., Эдельман Д.И.* 2000: Этимологический словарь иранских языков. II. М.
- Ригведа* 1995: Мандалы V–VIII. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.
- Смирнов К.Ф.* 1961: Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1, 46–72.
- СИГТЯ* 2006: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.
- Старостин С.А.* 1989: Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссии на Международной конференции (Москва, 29 мая – 2 июня 1989 г.). Ч. 1. С.И. Блюмхен и др. (ред.). М., 3–39.
- Тохтасьев С.Р.* 2005: Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* / M. Alexianu, C. von Behren, M. Daniluc, A. Poruciu (eds.). Iași, 59–108.
- Эдельман Д.И.* 1992: Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // ВЯ. 3, 44–66.
- Эдельман Д.И.* 1999: Индоиранские языки // Языки мира: дардские и нуристанские языки / Д.И. Эдельман (ред.). М., 10–13.
- Эдельман Д.И.* 2009: Некоторые проблемы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. 1. М., 81–94.
- Bailey H.* 1954: *Ariana* // *Donum natalicum H.S. Nyberg oblato* / E. Gren et al. (eds.). Uppsala, 1–16. (переиздано в: *Orientalia Suecana* IV. 1955, 3–18).
- Borger R.* 1978: *Assyrisch-babylonische Zeichenliste* (unter Mitarbeit von F. Ellermeyer). Neukirchen-Vluyn.
- Dandamayev M.A.* 1995: *Iranians in Achaemenid Babylonia*. Costa Mesa–New York.
- Deloche J.* 1983: *Contribution à l'histoire de la voiture en Inde*. P.
- Embleton Sh.* 2000: *Lexicostatistics/Glottochronology from Swadesh to Sankoff to Starostin to future horizons* // *Time Depth in Historical Linguistics* / C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.). 1, 7. Cambr., 143–166.
- Ghirshman R.* 1977: *L'Iran et les migrations des Indo-aryens et des Iraniens*. Leiden.
- Mayrhofer M.* 1953–1980: *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Heidelberg.
- Mayrhofer M.* 1992–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg.

- Meillet An.* 1907: Le dieu indo-iranien Mitra // *Journal asiatique*. 10, 143–159.
- Nikolayev S.L., Starostin S.A.* 1994: A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow,
- Piggott St.* 1992: Wagon, Chariot and Carriage. Symbol and Status in the History of Transport. [L.].
- Rau W.* 1972: Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Mainz–Wiesbaden.
- Sparreboom M.* 1985: Chariots in the Veda. Leiden.
- Starostin S.* 2000: Comparative-historical Linguistics and Lexicostatistics (with an Appendix by Dmitry Leshchiner) // *Time Depth in Historical Linguistics* / C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.). 1, 11. Cambr., 223–266.
- Thieme P.* 1938: Ein iranisches Kulturlehnwort in der vedischen Prosa? // *ZDMG*. 92, 47–52.
- Vogelsang W.J.* 1992: The Rise and Organization of the Achaemenid Empire: the Eastern Iranian Evidence. Leiden.

С.В. Куланда

© 2010 г.

Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. I. Ed. by G.R. Tsetskhladze. Leiden–Boston: Brill, 2006 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193). LXXXIII, 564 p., il.

Рецензируемое издание призвано дать современный срез знаний, идей, гипотез, касающихся такого важного феномена истории Древней Греции, как Великая греческая колонизация. Для участия в проекте были приглашены известные ученые из многих стран мира, занимающиеся проблемами колонизации. Охват материала – от Иберийского полуострова на западе до Малой Азии на востоке, от Северной Африки на юге до Черного и Азовского морей на севере. Такого уровня обобщения не было, пожалуй, с момента издания знаменитой и многие годы единственной в своем роде книги Дж. Бордмэна «Греки за морем», выдержавшей, как известно, несколько изданий и переведенной на многие языки¹. Интенсивные археологические раскопки и исторические исследования последних десятилетий сделали необходимым подвести итоги новых подходов и направлений, а также ввести новые материалы и предложить современные интерпретации для изучения греческой колонизации. Это и составляет содержание рецензируемой книги, которая посвящена памяти выдающегося историка греческой колонизации А.Дж. Грэхэма, ушедшего из жизни в 2005 г. В 13 статьях издания рассматриваются проблемы микенской и финикийской колонизации, а также греческой – архаического периода – в масштабах всего Средиземноморья.

Том открывается вступительной статьей его издателя и ответственного редактора Г.Р. Цецхладзе «Пересмотр античной греческой колонизации» (с. XXIII–LXXXIII). Автор предлагает подвергнуть «ревизию» основные понятия греческой колонизации: сам термин, причины колонизации, хронологию ранних колоний, типологию поселений, их урбанизм, отношения греков с местным населением и др. Особый акцент ставится на проблеме идентичности (ethnicity)², как ее понимали эллины эпохи расширения своей цивилизации в пределах Средиземноморья и сопредельных территорий. Приглашая к обсуждению этой проблемы, Г.Р. Цецхладзе напоминает, что, если со времени Геродота вполне можно говорить о процессах осознания греками своего этнического единства (может быть, и этнополитического? – В.К., А.П.), то вопрос о «причастности» к их полисным организациям представителей племен и народов, попавших в сферу их колонизационной активности, решается гораздо сложнее. Актуальным остается, по мнению издателя, и собственно вопрос о взаимодействии греков с местными этносами. Свои рассуждения о вариативности этнической ситуации в зависимости от конкретного региона и об отсутствии каких-либо общих правил в сфере межэтнических контактов он иллюстрирует в каталоге греческих колоний и поселений в Средиземноморье и Черноморье, составленном, заметим, по известной модели Дж. Бордмэна. Каталог включает около 200 колоний, приведены даты их основания и названия их метрополий, отмечены наличие либо отсутствие местного населения на момент прибытия греков.

¹ Boardman 1964.

² Постановка проблемы не нова, но это не лишает ее актуальности (об этом, см. в частности, Капогресси Колоньези 2009, 33, 37).